

Е.Н. Басовская

«Какая сила движет народами?»

Для ответа на этот вопрос Толстой использует метод, имеющий в математике название «доказательство от противного». Кстати, получается каламбур: писатель не просто отталкивается от положений, которые считает неприемлемыми, но и действительно говорит о противном. Ему глубоко противна идея торжества «великих людей» над покорными массами и исключительно противен Наполеон Бонапарт — живое воплощение самомнения, честолюбия и эгоизма.

Толстой беспощадно расправился с Наполеоном и наполеонизмом. Он показал великого полководца гнусным ничтожеством, а его сторонников — угодливыми лжецами. Чуть ли не каждая сцена с участием Бонапарта превращается в обвинительное заключение.

При Аустерлице этот маленький, самовлюбленный человечек восхищается «прекрасной смертью» русского офицера. Эти слова звучат антигуманно и фальшиво.

В 1812 году неподалеку от Смоленска Наполеон беседует с пленным — крепостным человеком Ростова Лаврушкой. Историки утверждают, будто французский император своей простотой ввел казака в заблуждение и тот говорил очень искренно. В изображении Толстого все выглядит иначе: Лаврушка «хорошо и легко признал» Наполеона, но без труда одурачил его, притворяясь искренним. В итоге могущественный полководец наградил и отпустил на свободу посмеявшегося над ним мужика.

Когда к Наполеону доставляют портрет его сына, император старательно изображает «простую отеческую нежность».

«Глаза его отуманились, он подвинулся, оглянулся на стул (стул подскочил под него) и сел на него против портрета. Один жест его — и все на цыпочках вышли, предоставляя самому себе и его чувству великого человека».

Чего стоит замечание в скобках: «стул подскочил под него»! Это не просто деталь, а приговор Толстого всей той фальши, которая сконцентрирована в образе Наполеона.

Толстой был великим разоблачителем. В Шкловский обратил особое внимание на одну из записей писателя. В 1857 году, перечитывая сказку Андерсена «Голый король», Толстой пришел к выводу: задача литературы — показать, что король голый. Другими словами, сокрушить иллюзии, уничтожить ложные идеалы. Трудно представить себе читателя «Войны и мира», который проникся бы симпатией к тому Наполеону, которого рисует Толстой, и остался бы в убеждении, что именно такие «великие люди» направляют ход истории.

Но у доказательства от противного есть один недостаток (я говорю сейчас не о математике — у нее свои законы). Рано или поздно за отрицанием должно последовать утверждение. Толстой убеждает нас, что воля «великих личностей» не определяет судьбы народов. Согласившись с этим, мы ждем продолжения. Не «великие люди», а... И вот в этой-то части размышления писателя становятся значительно менее ясными. Главная проблема состоит в том, что он то и дело самому себе противоречит.

Постоянно повторяя, что воля одного человека ничего в истории не определяет, Толстой тем не менее отдает должное и мудрости Кутузова, и смекалке Денисова (имея в виду Дениса Давыдова), и военному таланту незаметного капитана Тушина. Заявляя, что человек — не что иное, как пылинка мироздания, крошечная часть «роя», писатель с любовью вглядывается в лица и судьбы отдельных людей. Он и сам обратил внимание на это противоречие, признав во второй части эпилога:

«Человек, в связи с общей жизнью человечества, представляется подчиненным законам, определяющим эту жизнь. Но тот же человек, независимо от этой связи, представляется свободным. Как должна быть рассматриваема прошедшая жизнь народов и человечества — как произведение свободной или несвободной деятельности людей? вот вопрос истории».

В итоге сложных теоретических построений Толстой приходит к выводу о том, что «каждое действие человека представляется... известным соединением свободы и необходимости». Но и это его не удовлетворяет. В конце концов он признает, что надо «отказаться от несуществующей свободы и признать не ощущаемую нами зависимость». За этим утверждением следует слово «конец». Последняя страница «Войны и мира» перевернута. Но остается вопрос: зависимость от чего нам следует признать?

Вариантов ответа при кажущемся многообразии всего два. В любом случае человек зависит от законов истории. Но сами они или рождены высшей, Божественной волей (тогда речь идет о Провидении), или являются результатом действия неких материальных сил. Трудность заключается в том, что Толстой дает читателю основания признать правильным как первую, так и вторую точку зрения. Если все происходящее в мире есть воплощение замысла Всевышнего, то и воля человека ограничена лишь одним — волей Бога. Нам кажется, что мы свободны, но мы всего лишь таковы, какими нас создал Господь. Именно так представляют себе устройство мироздания верующие люди. Но Толстой, не споря с этим, нигде открыто и не присоединяется к религиозной концепции истории.

Если же законы истории создаются самим ее ходом, источник развития цивилизации надо искать опять-таки в устремлениях и поступках отдельных людей, но с одной поправкой. Ни один человек сам по себе на движение истории не влияет. Все, что происходит в мире, есть результат соединения великого множества разнообразных действий. Вот как пишет Толстой о соотношении «истории политиков» и «истории простых людей» (анализируется ситуация 1809 года):

«Жизнь между тем, настоящая жизнь людей, с своими существенными интересами здоровья, болезни, труда, отдыха, с своими интересами мысли, науки, поэзии, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей шла, как и всегда, независимо и вне политической близости или вражды с Наполеоном Бонапартом, и вне всех возможных преобразований».

Но через некоторое время, когда речь заходит о войне 1812 года, Толстой несколько уточняет нарисованную картину:

«В то время как Россия была до половины завоевана, и жители Москвы бежали в дальние губернии, и ополченье за ополченьем поднималось на защиту отечества, невольно представляется нам, не жившим в то время, что все русские люди от мала до велика были заняты только тем, чтобы жертвовать собою, спасти отечество или плакать над его погибелью... В действительности же это так не было... В действительности те личные интересы настоящего до такой степени значительнее общих интересов, что из-за них никогда не чувствуется (вовсе не заметен даже) интерес общий. Большая часть людей того времени не обращали никакого внимания на общий ход дел, а руководились только личными интересами настоящего. И эти-то люди были самыми полезными деятелями того времени».

Последнее чрезвычайно важно. Большинству не было дела до великих исторических событий. Но именно эти люди и определили ход истории. Пожар Москвы, отступление французов и их разгром стали не результатом гениальной стратегии Кутузова, а итогом разрозненных, случайных поступков колоссального числа людей. Так соединяются краски на холсте, давая новый цвет. Так сливаются звуки инструментов в оркестре. Разница в том, что краски смешиваются осознанно, оркестр играет слаженно, а участники исторического процесса действуют стихийно. Вот почему, изучая поступки каждого из них, невозможно предсказать общий итог происходящего. Вот почему нам кажется, что в истории нет вообще никакого смысла и порядка. И пока одни в самодовольном заблуждении

пытаются подчинить себе ход вещей, другие (которых большинство) думают, что вообще ни на что не способны повлиять. В действительности же все они в равной степени бессильны и всевластны. Они не могут направить течение истории туда, куда считают нужным. Но без их участия оно стало бы другим.

Этот закон каким-то шестым чувством ощущает в «Войне и мире» Кутузов. Он признает над собой власть обстоятельств и не пытается их перебороть. Он подыгрывает истории, когда, избегая сражения, позволяет французам войти в Москву. Разорение любимой столицы — последняя капля, переполняющая чашу народного терпения. Наполеон, окруженный ненавистью, обречен. Против него воюет не Кутузов и не армия, а весь русский народ.

Но Кутузов не только символ, воплощение авторской философии истории. Толстой, выступая как мыслитель и публицист, всегда остается художником. Он создает живой, объемный, полный обаяния образ полководца. Главное достоинство Кутузова — естественность и простота. Он не играет роль, а живет. Он может заплакать и от досады, и от радости. И когда в ноябре 1812 года он поздравляет свои войска с победой, в нем просыпается милосердие — как и в тех солдатах, что кормили в лесу Рамбаля и Мореля.

«И вдруг голос и выражение лица его изменились: перестал говорить главнокомандующий, а заговорил простой, старый человек, очевидно что-то самое нужное желавший сообщить теперь своим товарищам...

— А вот что, братцы, я знаю, трудно вам, да что же делать! Потерпите; недолго осталось. Выпроводим гостей, отдохнем тогда. За службу вашу вас царь не забудет. Вам трудно, да все же вы дома; а они — видите, до чего они дошли, — сказал он, указывая на пленных, — Хуже нищих последних. Пока они были сильны, мы себя не жалели, а теперь и их пожалеть можно. Тоже и они люди. Так, ребята?

Он смотрел вокруг себя и в упорных, почтительно недоумевающих, устремленных на него взглядах он читал сочувствие своим словам: лицо его становилось все светлее и светлее от старческой кроткой улыбки, звездами морщившейся в углах губ и глаз. Он помолчал и как бы в недоумении опустил голову.

— А и то сказать, кто же их к нам звал? Поделом им, м... и ... в г..., — вдруг сказал он, подняв голову и, взмахнув нагайкой, он галопом, в первый раз во всю кампанию, поехал прочь от радостно хохотавших и редевших ура, расстроивших ряды солдат».

Именно простота Кутузова и позволяет ему чувствовать себя частью «роя» и не мешать движению истории. По ее законам, Наполеону никогда не покорить Россию.

Не осмелюсь утверждать, что вполне верно поняла Толстого. Я просто рассказала о том, как мне удалось интерпретировать его философию, отразившуюся в «Войне и мире». Не могу не согласиться с литературоведом С. Бочаровым, писавшим:

«...В отвлеченных своих рассуждениях автор... так и не сводит концы с концами, объясняя исторический результат то стихийным и случайным совпадением произвола, то определением свыше. Но в романе... противоречие сходится в живое единство, необходимую связь — внутреннее противоречие человеческой жизни...»